

УДК 323+130.12

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Линченко А.А.

В статье рассматриваются проблемы определения места и значения политики памяти как одного из измерений символической политики и одного из факторов социальной трансформации. Выявляется роль политики памяти в рамках институционального, нормативного, функционального, коммуникативного, культурно-идеологического уровней. Роль и значение политики памяти рассматриваются в контексте специфики систем ценностей стабильных и переходных периодов общественного развития. Проанализированы значение и возможности политики памяти как условия формирования и реализации разнонаправленной памяти.

Ключевые слова: политика памяти, символическая политика, социальная трансформация, стабильные и переходные общества.

THE POLITICS OF MEMORY AS A FACTOR OF SOCIAL TRANSFORMATION

Linchenko A.A.

The article deals with the problem of determining the place and importance of the politics of memory as one of dimensions of symbolic politics and a factor of social transformation. It reveals the role of memory in political framework of the institutional, regulatory, functional, communicative, cultural and ideological levels. The role and importance of the politics of memory are discussed in the context of the specificity of value systems of stable and transitional periods of social development. The value and opportunities of the politics of memory as conditions for the formation and implementation of multidirectional memory have been analysed.

Keywords: politics of memory, symbolic policy, social transformation, stable and transformed societies.

Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации» и 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

Современный социальный мир невероятно подвижен. Это касается как формы, так и содержания социальной динамики. В этой связи достаточно оправданными выглядят попытки построения в работах Д. Урри новой «онтологии» социальной реальности, понятой как онтология социальных мобильностей. Вместе с тем, разговор о социальных изменениях, мобильностях, трансформациях предполагает дальнейшую детализацию факторов, элементов и тенденций воздействия на процессы социальной трансформации. Одним из таких факторов, оказывающих заметное влияние на социальные трансформации, является политика памяти и шире символическая политика.

Проблемы политики памяти представляют собой один из наиболее популярных объектов анализа исследований, объединяемых сегодня под названием «мемориальных» (memory-studies). И это представляется оправданным в силу как минимум двух причин. Во-первых, глобальные трансформации и появление элементов новой социальной реальности выдвинули на первый план важное значение символического пространства, частью которого политики памяти выступают. Более того, существенные изменения традиционных форм личной, социальной и культурной идентичности поднимают вопрос именно о роли политического действия в формировании и интеграции новых форм идентичности и идентификации. Во-вторых, политика памяти продолжает оставаться одним из наиболее мощных факторов трансформации социального пространства, что особенно заметно сегодня в контексте мемориальных войн, инициирования политиками принятия мемориальных законов, использования прошлого как символического ресурса во внутривнутриполитической и внешнеполитической борьбе.

Целью нашей статьи будет анализ места и роли политики памяти как фактора социальной трансформации, выявление особенностей ее воздействия на социальную трансформацию в стабильных и переходных периодах общественного развития, анализ возможностей и границ политики памяти в рамках современных видов социальной памяти.

О современном понимании социальной трансформации

Как известно, под социальной трансформацией понимают процесс структурных изменений общественного состояния. По мысли П. Штомпки, понятие «социальная трансформация» необходимо отличать от других понятий, выражающих формы значительных социальных изменений – социальных процессов: «морфогенезис» (возникновение совершенно новых социальных условий, состояний общества, социальных структур), «трансмутация» (модификация, реформация или пересмотр существующих социальных установок), «репродукция» (компенсаторные, адаптивные, уравнивающие, поддерживающие процессы, позволяющие приспосабливаться к окружающим условиям, сохраняя существование общества в неизменной форме). Трансформация означает, прежде всего, базовые качественные изменения. Социальная система уже утратила былую структуру, а новую еще не приобрела.

Как неоднократно подчеркивалось в литературе, использование понятия «социальная трансформация» не предполагает конечной точки, цели изменения системы. Развиваемое представление о социальной трансформации предполагает установку на изучение динамики качественного состояния системы и принцип антиисторицизма, отрицающий телеологичность развития системы. Другими словами, неопределенность, отсутствие заданности становятся одной из главных характеристик процесса трансформации, когда мы не можем предугадать возникающие отклонения от изначального проекта и прогнозировать однозначную реализацию заданной схемы. В этой связи важным представляется замечание Л.П. Станкевича о том, что «социальная трансформация есть процесс, детерминированный необходимостью качественного преобразования всех элементов системы общественной

организации. Очевидно, что структура и функции изменяющегося общества не подлежат одновременному преобразованию. Это значит, что, например, политическая сфера может в своих модификациях значительно опережать экономическую составляющую общества, поскольку последняя по определению не в состоянии стремительно менять свои параметры. Если иметь в виду материальную и духовную жизнь общества, их взаимодействие, то и в каждой из них будут свои лидеры и аутсайдеры» [10, с. 91].

Сложность процесса социальной трансформации также связана и с тем, что в рамках современного ее понимания вряд ли возможно четкое разграничение влияния материальных и духовных факторов или однозначно линейное воздействие одного из них, как это нередко постулировалось в историческом материализме. На данную сложность как раз указывает акторно-сетевая теория, логике которой в своих работах следует Дж. Урри. Речь идет о такой перспективе понимания социальной трансформации, когда в принципе невозможно разделить социальное и материальное [11, с. 77]. Более того, как показывает в своей книге Д. Урри, в социальной жизни мы часто имеем дело с социотехническими гибридами, соединяющими социальное, телесное и материальное (например, гибрид водителя и автомобиля во время движения). По мнению другого видного творца акторно-сетевой теории, Джона Ло, любой конкретный материальный или социальный объект просто бессмысленно анализировать в отрыве от множества отношений с другими материальными и нематериальными феноменами [7, с. 33].

На сложный характер взаимодействия материального и духовного в процессе социальной трансформации постоянно обращал внимание В.А. Ядов, который рассматривал Дж. Александера в качестве одного из лидеров поворота в теории культуры в 60-е годы XX века. Характеризуя наследие Александера, отечественный ученый отмечал, что «он выдвинул идею культуральной социологии, а, в сущности, предложил рассматривать культуру в функции основного движителя социальных трансформаций на основе того, что ценности, культурные коды и дискурсы в обществе как раз и выступают главной

причиной социальных изменений» [12, с. 60]. В подобном случае, не всегда понятно, что от чего зависит в продуцировании социальных изменений. В одних случаях могут лидировать экономические и социальные факторы, в других – культурные факторы. При этом, говоря в терминологии Д. Урри, мы продолжаем иметь дело с единой социальной реальностью. Мобильности оказываются реальностью особого рода, которую нельзя однозначно свести к физическим перемещениям, к хозяйственным процессам. По мысли, английского исследователя сети, мобильности, равно как и системы мобильностей доминируют над индивидуальными телами, сознаниями, действиями человека, а любые социальные практики оказываются включенными в сложные совокупности мобильностей.

Попытку системного описания процессов социальной трансформации предлагает нам Т.И. Заславская. Она указывает, что в социологической практике необходимо анализировать реальные, часто противоречивые и возвратные изменения в открытом социальном пространстве. Согласно ее концепции, необходимо выделять три координаты-вектора социальной трансформации: вектор институциональных преобразований, вектор социоструктурных изменений и вектор человеческого потенциала общества. В ее понимании институциональные изменения представляют собой изменения в «правилах игры» – норм экономических и социальных взаимодействий. Социоструктурные изменения представляют собой сдвиги в конфигурации социального расслоения по критерию продвижения к такой, которая позволяет каждому гражданину наиболее эффективно реализовать себя, а вектор человеческого потенциала является индикатором качества подобного потенциала. В свою очередь, она выделяла в рамках человеческого потенциала такие компоненты как социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и инновационно-деятельностный [4].

Политика памяти как инструмент трансформации символического пространства

Все вышесказанное подводит нас к мысли о важной роли политики и, еще

подробнее, символической политики в процессе социальной трансформации. Процессы конструирования национальной исторической идентичности оказываются важным фактором социальной трансформации общества, придавая социально-экономическим трансформациям определенный индивидуальный вектор направленности, культурный колорит. Символическая политика общества, в таком случае, оказывается не менее важной, чем экономическая политика. И здесь методологический курс нашего исследования оказывается проложен в рамках социальной топологии П. Бурдьё и частности, его концепции символической борьбы [3]. Социальное пространство в его теории – это система взаимодействия различных полей с присущими им видами капитала (экономический, символический, культурный). Как известно, символическая борьба по поводу восприятия социального мира в теории Пьера Бурдьё принимает различные формы. С объективной стороны, она может проявляться посредством действий представлений, индивидуальных или коллективных, направленных на то, чтобы заставить увидеть и оценить определенные реалии. На индивидуальном уровне все стратегии представления себя предназначены манипулировать образом себя и, в особенности своей позицией в социальном пространстве. Наконец, с субъективной стороны, агенты могут действовать, стремясь изменить сами категории восприятия и оценивания социального мира (использование слов, названий), которые позволяют конструировать социальную реальность и выражать ее.

Отталкиваясь от идей П. Бурдьё, отечественный исследователь символической политики, О.Ю. Малинова понимает ее как «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики» [8, с. 23]. Она также отмечает, что «в качестве инструментов символической политики выступают не только вербально оформленные «идеи» (принципы, концепции, доктрины, программы и т. п.), но и невербальные

способы означивания (образы, жесты, графические изображения и др.). Она выражается не только в «словах», но и в «делах», поэтому для ее изучения требуется сочетать приемы анализа дискурсов, политических стратегий и технологий» [8. с. 25].

Исследователь Д.А. Аникин полагает, что термин *"политика памяти"* является более удачным для научного дискурса и дает ей следующее определение «политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [1, с. 36]. В совместной статье с указанным исследователем, нам уже приходилось отмечать, что «политика памяти становится связующим звеном между общественными ожиданиями ("как должно быть") и реальной конфигурацией политического пространства» [6, с. 101].

Нами также отмечалось, что в рамках концепции «черного ящика» Д. Истона изучение политики памяти опирается на то, что политическая система, реагируя на воздействия внешней среды, преобразует стимулы (требования и поддержку) в решения и действия на «выходе». В качестве входных стимулов выступают стремления к распределению или перераспределению ценностей, например, опирающиеся на советский исторический опыт требования социальной справедливости. В качестве другого типа входных импульсов рассматривается поддержка, т.е. готовность поддерживать политическую систему в случае ее соответствия ожиданиям общества (окружающей среды). Д.А. Аникиным в рамках нашего совместного исследования были выделены ряд подсистем, позволяющих анализировать особенности реализации политики памяти в социальном пространстве: институциональная подсистема (государства, политические партии, общественно-политические организации как институты формирования политики памяти); нормативная подсистема (имеющиеся правовые нормы, определяющие степень допустимой критики по

отношению к тем историческим событиям и трактовкам, которые считаются основополагающими для политической системы); функциональная подсистема (базовые и производные функции использования образов прошлого в политической системе. Базовые функции представляют собой сохранение аккумулированного предшествующими поколениями исторического опыта и проявляются в реализации фундаментального уровня содержания политики памяти. В производных функциях исторической памяти отражен приобретенный молодым поколением собственный социально-исторический опыт); коммуникативная подсистема (каналы трансляции политики памяти на общество – учебная литература, образовательные практики, научно-популярные передачи, художественные фильмы и ролики, плаката и «растяжки»); культурно-идеологическая подсистема (это совокупность различных по своему содержанию политических идей, комплекс типичных для конкретного общества политических ориентаций, установок, ценностей и моделей политического поведения, оказывающих воздействие на отбор и интерпретацию событий прошлого). Каждый из указанных подсистем представляет собой определенную форму влияния политики памяти на символическое пространство общества и на процессы социальной трансформации. В этой связи, постараемся внимательнее выявить особенности данного влияния в стабильные и переходные периоды общественного развития.

Политика памяти в стабильные и переходные периоды общественного развития

Проблемы чередования стабильных и переходных периодов общественного развития всегда привлекали внимание отечественных и зарубежных исследователей. Анализируя специфику системы ценностей стабильных и переходных периодов истории, Е.М. Сергейчик отмечает, что «с точки зрения синхронии система ценностей стабильного общества представляет собой устойчивую, иерархическую, упорядоченную смысловую структуру, центром кристаллизации смыслов которой является нормативная по своему характеру система социетальных ценностей с присущим ей "символическим

универсумом", задающим способ осмысления действительности всем уровням и сферам общественной жизни. Свое выражение система ценностей стабильного общества находит в специализированной и дифференцированной деятельности социальных институтов, закрепляющих определенные типы социальных отношений в системе ролей и статусов, предписывающих индивидам определенные образцы поведения и устанавливающих санкции для выполнения этих правил. Основными функциями такой системы являются интеграция смысловых подсистем, поддержание и сохранение смыслового единства общества, что способствует рациональной, эффективной, оптимальной деятельности людей, разделяющих различные подсистемы ценностей, каждая из которых имеет свой «символический подуниверсум» [9, с. 535]. Понятие «гармония» в такой системе ценностей прочно ассоциируется с понятием «порядок», то есть подразумевает отсутствие подрывающих устойчивость системы противоречий, сохранение ее равновесия. Петербургский исследователь также замечает, что «в диахроническом аспекте развитие системы ценностей носит преимущественно экстенсивный характер. Смысловое пространство стабильного общества постоянно расширяет свои границы за счет экспансии социетальных ценностей на другие подсистемы, а также создает "зоны влияния" за своими пределами» [9, с. 541].

Политика памяти оказывается одним из важнейших символических ресурсов в стабильные периоды общественного развития. В частности, если смотреть с точки зрения институционального уровня политики памяти, то она оказывается одним из важнейших источников интеграции действующих социальных институтов. Государство как институт памяти доминирует среди остальных, формируя определенное символическое пространство исторической преемственности. Политика памяти оказывается также одним из ресурсов унификации, поскольку в стабильном обществе доминирует какая-либо одна ключевая тенденция использования прошлого. Историческая преемственность социальных институтов в стабильном обществе оказывается основой и сущностью социального порядка.

С точки зрения нормативного уровня, политика памяти способствует упрочению социального порядка посредством системы мемориальных законов, стандартизирующих коммеморативное пространство, выстраивающих единую логику преемственности, ограничивающих влияние иных версий исторической памяти и традиций социального порядка. Наконец, речь идет о создании системы образцов в качестве значимых ориентиров для исторического сознания стабильного общества.

С точки зрения функционального измерения политики памяти в стабильные периоды общественного развития актуализируются базовые функции политики памяти: функция преемственности поколений, социально-идентификационная функция, идеологическая функция. Речь также идет о реализации части производных функций, в частности, функции выбора жизненных стратегий, функция стереотипизации, политическая функция.

Вообще, запрос на политику памяти в стабильных обществах гораздо выше, чем в обществах переходных. Это связано с тем, что государственной власти требуется не просто определенная концепция прошлого, но целенаправленная концепция прошлого, которая могла бы выступать источником иерархии ценностей и их стабилизации. История и память в таком случае, выражаясь словами Ф. Ницше, оказываются в рамках антикварного их понимания. Другими словами, речь идет о легитимации сложившейся в обществе идеологии, легитимации прежде всего через историю. Именно это оказывается важнейшим значением политики памяти в рамках культурно-идеологического ее измерения. Ярким примером в данном случае является новейшая история России, где укрепление роли государства включило в число актуальных вопросов – вопросы государственной политики памяти, превратило вопросы исторической памяти в пространство легитимации сложившихся политических структур и социальной иерархии.

Однако, что же происходит с политикой памяти и ее ролью в переходные периоды общественного развития? Можно ли сказать, что она утрачивает свое значение? Уже цитировавшийся нами выше исследователь Е.М. Сергейчик

отмечает, что «в синхронистическом аспекте структура системы ценностей транзитивных периодов истории утрачивает свой иерархический характер. Ее децентрация, дезинтеграция, утрата ценностями привычных значений порождают конструктивный хаос, в котором происходят интенсивные процессы переосмысления и смыслообразования, выражающие новое видение действительности» [9, с. 547]. Ученый также отмечает, что отношения между ценностными системами начинают строиться не на принципах субординации, а координации, где ведущую роль играют личностные ценности. Возрастает влияние «периферии» и ее ценностных доминант.

В этой связи человек вынужден опираться только на собственные силы и собственные цели. И.С. Кон отмечал: «Индивидуально-личностное начало обычно усиливается в переломные, кризисные эпохи, когда индивид вынужден в самом себе искать ответ на новые вопросы, перед которыми бессильна традиционная идеология» [5, с. 141]. Единое смысловое пространство разрушается в переходные эпохи, и мы можем наблюдать перемещение значений из одной смысловой структуры в другую. Смысловые структуры сталкиваются, а системы ценностей могут оказываться в конфликте. «Становление новой системы социетальных ценностей происходит в острой конкурентной борьбе с различными коллективистскими ценностями, которые, находясь в процессе формирования, претендуют на собственное видение социальной реальности и перспектив ее развития. Освобожденные от опеки "официальных ценностей", различные социальные общности стремятся переосмыслить свои интересы и найти новые ценностные ориентиры, в результате чего образуется множество различных, подчас несовместимых моделей общества» [9, с. 551].

В этой ситуации роль и значение политики памяти оказываются сомнительными. Речь однако не идет об исторической памяти вообще. Наоборот, в переходные и кризисные периоды истории возрастает потребность в философии истории, но не в политике памяти. Последняя оказывается помехой на пути социальной трансформации, умножения числа акторов

коммеморативного пространства, деконструкции основополагающих приоритетов и целей. При этом, снижение роли и значения политики памяти наблюдается на всех ее уровнях: институциональном, нормативном, функциональном, коммуникативном и культурно-идеологическом. На первый план в периоды социальных трансформаций выходят индивидуальные аспекты биографии, индивидуально-личностные стратегии идентификации, альтернативные формы исторической памяти и контрпамяти. Так, например, распад советской политической системы и ее модели политики памяти породил в 90-е годы огромное число интерпретаций истории, понятых сквозь призму личных биографий. В особенности, это касалось биографий и воспоминаний политзаключенных 30-50 годов XX века.

Сам вектор дальнейшей социальной трансформации в переходное время оказывается утраченным. В этой связи говорить о целенаправленной единой политике памяти просто бессмысленно. Государство перестает быть ключевым институтом памяти. В ситуации противоречивых социальных трансформаций мемориальные законы теряют свою нормативную силу или символическое значение. Наконец, политика памяти перестает быть той средой, которая выступает полем для развертывания диалога прошлого и настоящего, средой исторической преемственности. Еще раз подчеркнем, речь не идет о нивелировании всего исторического опыта. Теряет свое символическое значение именно официальная версия прошлого. Также не совсем ясно на основе каких социетальных ценностей может быть сформулирована некая общая политика памяти, насколько эти ценности могут быть удачно преобразованы в ее стратегические принципы. Ведь ценности могут и оставаться, будучи транслированными через другие формы коллективной памяти или через философию истории. Более того, содержание ценностей может быть еще не отрефлексированным, что означает возможность их осмысления на эмоционально-образном, метафорическом уровне.

Характеризуя динамический аспект, Е.М. Сергейчик отмечает «линейная связь между прошлым, настоящим и будущим прерывается, так как

транзитивные периоды наполнены избыточными и хаотическими процессами, разнонаправленными по отношению к складывающейся тенденции. Негативное отношение к устаревшим ценностям, потребность в новых заставляют иначе взглянуть на прошлое, где видится неисчерпаемое богатство невостребованного культурного потенциала, реализация которого может вывести общество на новые исторические рубежи. Поэтому каждому транзитивному периоду свойственны свои "ренессансы"» [9, с. 558]. Более того, важнейшим ориентиром в переходные периоды оказывается будущее, которое начинает доминировать над прошлым. Яркий пример может быть обнаружен в истории первых лет советской власти. Конечно, нельзя говорить об отсутствии определенной исторической политики у большевиков в первые годы существования Советского государства (например, опора на символическое значение традиции Великой Французской революции). Однако, будущее явно доминировало над прошлым в идеологических проектах новой власти.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что политика памяти исчезает в переходные периоды как часть культуры. Возможна ситуация, при которой региональные элиты, оппозиционные политические силы, общественные организации будут использовать свои локальные политики памяти как символический ресурс для усиления центробежных тенденций. В таком случае элементы политики памяти на региональном уровне оказываются источником деструктивных процессов социальной трансформации, усиливая распад единой политической системы. Меняется сам формат политики памяти. Вопрос в данном случае в масштабе и глубине распада общей системы ценностей на государственном и региональном уровнях.

Политика памяти и «разнонаправленная» память

В современной философии давно уже преодоленным является взгляд на переходные периоды истории как этап разрушения всех ценностных доминант и иерархий. Наоборот, утвердилась мысль о возможностях понимания переходных периодов как этапов, актуализирующих межкультурный диалог, оказывающийся единственным средством коммуникации в ситуации

неопределенности и многовекторности. Более того, как отмечает Е.М. Сергейчик «нарастание переходности мира не означает утрату им такой характеристики как стабильность, понимаемой теперь как упорядоченное развитие. "Транзитивность" расценивается как "конструктивный хаос", из которого рождается "динамичный порядок"» [9, с. 563]. В этой связи небезынтесным представляется анализ роли и значения политики памяти в современных процессах социальной трансформации, одним из проявлений которой стало появление так называемой «разнонаправленной памяти».

Термин «разнонаправленная память» (*multidirectional memories*) появился с легкой руки Майкла Ротберга, автора монографии «Разнонаправленная память: вспоминая Холокост в эпоху деколонизации», вышедшей в Стэнфорде в 2009 г. «Разнонаправленную память» он понимает как «продуктивную межкультурную динамику исторических памятей» [13, р. 3]. Он также отмечает: «модель "разнонаправленной памяти" сохраняет дистанцию по отношению к эксклюзивным формам культурной идентичности и показывает, что память может как разделять, так и соединять различные пространства, времена и культурные топосы» [13, р. 11]. Ключевой вопрос его книги – каким образом могут быть совмещены память о Холокосте и память о колониализме? Проблематика памяти таким образом приобретает транснациональный уровень, поскольку свои притязания на роль жертв могут обозначить многочисленные социальные группы, например, негритянское население США, население колоний. О мысли М. Ротберга память о Холокосте позволяет создать универсальный язык других жертв, что создает возможности не для конкуренции, а для соединения коммемораций о жертвах исторической несправедливости. Сходный характер страданий жертв истории может выступать источником сочувствия, сострадания и солидарности. Данные идеи были подхвачены А. Ассман в ее недавней книге о необходимости сохранения памяти о Холокосте в качестве основополагающей ценности современной европейской культуры, в качестве важнейшего основания ее единства [2].

Какова в свете данных исследований роль политики памяти? Важное значение политики памяти как одного из инструментов формирования подобной «разнонаправленной памяти» связано прежде всего с тем, что подобное пространство диалога надо целенаправленно и последовательно формировать. И здесь именно политика памяти с ее институциональным статусом, нормативными актами, коммуникативными возможностями, культурно-идеологическим значением оказывается чрезвычайно действенным средством. Речь идет о формировании на основе философской идеи «разнонаправленной памяти» конкретной системы стратегических принципов реализации политики памяти, воплощенной в особенностях функционирования тех или иных институтов ее реализующих, новых мемориальных законах, которые могли бы зафиксировать это новое качество исторической памяти – «быть разнонаправленной».

Именно политика памяти может оказаться наиболее эффективной в обеспечении диалогового режима функционирования и реализации подобной памяти на уровне регионов и локальных субкультур. Естественно, что государство как субъект подобной политики памяти утратит часть своего влияния, поскольку обеспечение диалога и солидарности разнонаправленных воспоминаний будет способствовать институционализации других версий памяти, формированию их собственной нормативной базы, системы ценностей. Однако, именно государства на сегодняшний день продолжают сохранять свое значение в качестве базовых акторов и участников формирования разнонаправленной памяти как определенной политики памяти и политики постнациональной идентичности.

Таким образом, современное понимание социальной трансформации указывает на ее вероятностный, неопределенный и открытый характер. Это в свою очередь способствует переосмыслению роли материальных и духовных факторов общественного развития. В этой связи важную роль приобретает символическое пространство и символическая политика как инструмент общественных изменений. В подобной ситуации политика памяти становится

связующим звеном между общественными ожиданиями («как должно быть») и реальной конфигурацией политического пространства. Роль и значение политики памяти существенно изменяются в ситуации стабильных и переходных периодов общественного развития, что связано с самим запросом общества на единые, централизованные, унифицированные стандарты и принципы обращения к прошлому. Политика памяти оказывается одним из важнейших символических ресурсов в стабильные периоды общественного развития. Вместе с тем, политика памяти как часть культуры не исчезает и в переходные периоды. Возможна ситуация, при которой региональные элиты, оппозиционные политические силы, общественные организации будут использовать свои локальные политики памяти как символический ресурс для усиления центробежных тенденций. В таком случае элементы политики памяти на региональном уровне оказываются источником деструктивных процессов социальной трансформации, усиливая распад единой политической системы. Политика памяти оказывается важным инструментом на пути формирования «разнонаправленной памяти» и различных версий постнациональной идентичности.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып.2. С. 34-41.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: НЛЮ, 2016. 232 с.
3. Бурдые П. О символической власти / Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Изд-во «Дело», 2004. 206 с.
5. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1977. 368 с.

6. Линченко А.А., Аникин Д.А. Массовое историческое сознание и государственная политика памяти в Российской Федерации: актуальность мифологии? // Вестник Тверского университета. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 95-107.

7. Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. № 5 (1). С. 30-42.

8. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

9. Сергейчик Е.М. Философия истории. СПб.: Лань, 2002. 608 с.

10. Станкевич Л.П. Философия в контексте социальной трансформации / Роль социально-гуманитарных наук в процессе социальной трансформации: Сборник статей и тезисов докладов региональной научно-практической конференции. Липецк: ЛГТУ, 2008. С. 91-93.

11. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

12. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. трансформаций: курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. – СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

13. Rotberg M. *Multidirectional memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonisation*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2009. 380 p.

Сведения об авторе:

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the author:

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: linchenko1@mail.ru.